

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА Ф. ШЕЛЛИНГА

Петрык Янина Юрьевна

*канд. филос. наук, доц. Кубанского государственного университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: p_yanina@mail.ru*

AESTHETIC PROPHECY OF F. SCHELLING

Yanina Petryk

*candidate of Philosophy, Associate Professor "Kuban State University",
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является анализ преемственности эстетических идей Ф. Шеллинга в современной эстетике. Важными представляются два тезиса: о тотальной дифференциации знания, ведущей к смешению жанров и стилей, полифоническому разнообразию форм, а также тезис об эстетизации повседневности.

ABSTRACT

The purpose of this article is to analyze the continuity of aesthetic ideas of F. Schelling in present aesthetics. The following two points seem important: the thesis about total differentiation of knowledge, leading to the mixing of genres and styles, polyphonic variety of forms, and the thesis of the aestheticisation of everyday life.

Ключевые слова: эстетика; искусство; пророчество.

Keywords: aesthetics; art; prophecy.

Ж. Бодрийяр в работе «Прозрачность зла» стремится представить искусство не как нечто возвышенное, устремленное к идеальной форме, а, напротив, растворенное в повседневности, в опыте человеческого существования, повествуя о современной эстетике, как о знании, которое пытается внести в сферу искусства не только художественное содержание, но и будничность, прозаичность, обыденность. Возникает резонный вопрос: благодаря чему произошла смена мировоззренческих ориентиров и эстетика от идеального и «структурно нормированного» в прошлом (классическом варианте),

перешла к «жизненной материальности» и свободному разнообразию форм в культуре постмодерна?

Без сомнения, культура немислима без иерархической преемственности, а потому в сложные периоды мировоззренческой «неопределенности» возникает тяга к истокам, стремление искать истину в философских системах предшествующих эпох. Но вместе с тем усиливается и гадательное настроение, интерес к пророчествам с целью узнать: «что день грядущий нам готовит?» Особенно интересными в этом отношении являются уже отзвучавшие пророчества, которые возможно переосмыслить, подвергнуть анализу, понять состоялось предвидение или нет. В этом отношении любопытной и необычайно занимательной является фигура Ф. Шеллинга, наделившего, если не саму философию, то в большей степени именно искусство магической силой прозревать абсолюты. Да и сам философ нередко в мистифицированной форме выдвигал догадки и пророчествовал о культуре.

Подобный подход уже в XX веке был подвергнут критике. Видные исследователи К. Гилберт, Г. Кун называли шеллингианские предвидения «лжепророческими», а его желание утвердить внерациональный способ постижения бытия – «полупозитическими образами», где Ф. Шеллинг «предвосхищает конечное достижение идеала, находящегося за пределами рационального восприятия» [1, с. 458]. Однако подобные критические замечания вовсе не снижают эвристической ценности его суждений и не мешают взглянуть на некоторые аспекты его пророчеств.

Наиболее ценным с позиции современного состояния культуры являлось предсказание, прозвучавшее в «Философии искусства»: «... мы уже имеем философию и даже наукоучение сельского хозяйства, ... можно ожидать... что, в конце концов, будет существовать столько философий, сколько вообще имеется предметов, так что среди такого множества философий сама философия совершенно потеряется» [5, с. 63]. Таким образом, Ф. Шеллинг пророчествовал *о тотальной дифференциации знания, о «ризомном» его разрастании, наличии огромного количества информационных потоков*, которые не только не поддаются унификации, но и ведут к утрате и растворению человеческой самобытности, уникальности, индивидуальности, растерянности перед ликами быстроменяющейся культуры. Более того, на примере философии Ф. Шеллинг стремился показать, что подобная участь ожидает не только «любомудрие», но и искусство: размывание границ, хаос стилей, жанров и форм, при равенстве толкований, *когда ни одна точка зрения не является*

привилегированной или более значимой. «Насколько разнородным стало искусство в себе самом, настолько же разнородны и разнообразны по своим оттенкам различные точки зрения в оценках, что ни одна из спорящих сторон не понимают друг друга» – «... таково современное состояние искусства» [5, с. 59]. На примере поэзии Ф. Шеллинг предвещает еще большее разнообразие и разнородность, справедливо полагая, что в античности поэзия «строго ограничена во всех формах», «в современной поэзии, скорее формы переходят одна в другую и носят смешанный характер, этим объясняется большое количество переходных видов» [6, с. 345]. Таким образом, автором фиксировалась, свойственная всей сумме современных культурных настроений и философских тенденций, полифоничность, плюралистичность, гибридность жанров и стилей, отказ от стандартизованности, а главное – размывание границ между философией, наукой, искусством.

Без сомнения, одним из основных эстетических пророчеств Ф. Шеллинга, (ставшее уже общим местом), было воззвещение о том, что состоится *возвращение в лоно поэзии не только самой философии, но и знания, как такового, дабы философия стала поэтической или поэзия философской*. В «Системе трансцендентального идеализма» мыслитель писал: науки родились из поэзии и «вольются ... в тот всеобъемлющий океан поэзии из которого первоначально изошли» [5, с. 387]. В современную эпоху подобное представление породило многочисленные стратегии эстетической рефлексии: концепты «поэтического мышления» и «поэтизации бытия», «кардиогносии» и «участного мышления», споры о когнитивном статусе искусства и дискуссии об «эстетическом модусе бытия», справедливо свидетельствовавших о реально идущих в современной культуре процессах эстетизации повседневности и «артизации» всех сфер человеческой жизни.

Еще одно пророчество, которое получило подтверждение не только жизнью, но и последующей философией, это осознание *создающей и пересоздающей силы искусства*. Само искусство мыслилось Ф. Шеллингом весьма широко: от формы постижения истинно-сущего до иллюстрации истин абсолюта. В.В. Бычков полагает, что искусство понималось мыслителем, не только формально, но и содержательно, как система сущностных принципов мира вообще, данная Богом и вложенная им в художника. «Универсум построен в Боге как абсолютное произведение искусства в вечной красоте» [6, с. 157]. Чуть позже Ф. Шеллингу вторил в этом В.С. Соловьев. «Существующие ныне искусства, в величайших своих

произведениях схватывая проблески вечной красоты в нашей текущей действительности ... предваряют ... грядущую для нас действительность и служат переходом и связующим звеном между красотой природы, и красотой будущей жизни» [4, с. 83]. Таким образом, последний тезис об искусстве связывал первый и второй: огромное разнообразие знаний и внутреннее творческое соединение всевозможных форм и сфер жизни породит многообразные синтетические отношения, в конечном итоге, образующие новую общую сферу «цельной жизни» [2, с. 87]. Художник, созидая и пересозидая реальность, стремится, «придать поэзии жизненность, а жизни и обществу ... поэтический характер» [3, с. 172–173], поэтизируя и артизируя саму жизнь. В этом случае Ф. Шеллинг особо отмечает, что природа данного единства состоит в самой природе истины и красоты, в их синтетическом единении и сплоченности. А необходимость «эстетического» «пересозидания» мира обоснована философом уже при формулировке «высшей задачи трансцендентальной философии», которая может быть решена «только философией более высокой» [5, с. 20], в которой будут преодолены противоположности объективного и субъективного, теоретической и практической философии. Подобной более «высокой» философией может быть только «лишь деятельность эстетическая», а потому «общим органом философии ... является философия искусства» [5, с. 21]. Однако подобный синтетический подход постепенно нивелировал «особенное» в искусстве. Творческой потенцией активно наделялся реципиент, выступая в роли со-творца воспринятого им произведения искусства (А.А. Потебня). А эстетическое, таким образом, все больше смешалось в сферу повседневного существования субъекта, приводя к стремлению из любого социального феномена сделать шоу, будь то выборы, свадьба или похороны.

Таким образом, те немногие пророчества Ф. Шеллинга, приведённые нами, свидетельствовали о грядущем, а ныне уже состоявшемся, погружении знания в сферу эстетического, о том, что не только философские системы, но и знание вообще не может быть избавлено от эмоционально насыщенного эстетически аксиологического отношения, и о том, что гораздо более глубокое понимание мира возможно не в понятийной, а в художественно-образной сфере, а первой и насущной задачей современной эстетики оказывается необходимость искать более четкие определения критериев оценки различных типов эстетизации жизни.

Список литературы:

1. Гилберт К., Кун Г. История эстетики. – М.: Прогресс, 2000. – 316 с.
2. Кормин Н.А. Философская эстетика Вл. Соловьева. – М.: ИФРАН, 2001. – 187 с.
3. Литературная теория немецкого романтизма. Под ред. Н.Я. Берковского. – Л.: Издательство писателей, 1934. – 329 с.
4. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – 701 с.
5. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. – Л.: 1936. – 387 с.
6. Шеллинг Ф. Философия искусства. – М.: Мысль, 1966. – 487 с.